

ГАВРИЛАДА

ПОЛНЫЙ ТЕКСТЪ.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И КРИТИЧЕСКІЯ
ПРИМЪЧАНІЯ

ВАЛЕРІЯ БРЮСОВА

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

«АЛЬЦИОНА»

ГАВРИЛАДА

ПОЛНЫЙ ТЕКСТЪ.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И КРИТИЧЕСКІЯ
ПРИМЪЧАНІЯ

ВАЛЕРІЯ БРЮСОВА

«АЛЬЦИОНА»

Т-во тип. А И. Мамонтова въ Москвѣ

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Первое изданіе „Гавриліады“, впервые въ Россіи давшее полный текстъ поэмы Пушкина, разошлось въ три дня. Фактъ этотъ, равно какъ и высказанныя въ отзывахъ пожеланія писавшихъ о поэмѣ, побуждаютъ нынѣ Издательство выпустить ее во второмъ изданіи для болѣе широкаго круга читателей. Этимъ и объясняется, что въ предлагаемомъ изданіи по тщательномъ размышленіи опущены стихи 422, 439, 513, 514, 515 и 520, равно какъ и замѣнены точками отдѣльные слова и выраженія въ стихахъ 147, 360, 529.

Альціона.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Среди произведеній Пушкина первой половины его дѣятельности (1822 г.) видное мѣсто занимаетъ поэма, которую самъ онъ называлъ то „Гавриліада“, то „Благовѣщенье“, но за которой установилось первое изъ этихъ названій. До сихъ поръ „Гавриліада“ въ собраніяхъ сочиненій Пушкина, изданныхъ въ Россіи, полностью не появлялась. Напечатанная впервые въ лондонскомъ изданіи Н. Огарева „Русская Потаенная Литература“, въ 1861 г., „Гавриліада“ послѣ того нѣсколько разъ перепечатывалась за границей, но по сомнительнымъ спискамъ и безъ научнаго вниманія къ исправности

текста. Въ изданіяхъ, выходившихъ въ Рос-
сиі, появлялись только отрывки изъ поэмы
(см. нашу „Библіографію“) и даже въ Ака-
демическомъ изданіи помѣщено только не-
многимъ больше половины стиховъ, съ про-
пусками, совершенно нарушающими ходъ
повѣствованія.

По этой причинѣ „Гавриліада“ остается
неизвѣстной даже многимъ изслѣдователямъ
Пушкина. Когда въ 1902 г. возникъ въ пе-
чати споръ о принадлежности „Гавриліады“
Пушкину (споръ, по существу, бесплодный,
ибо авторство Пушкина — внѣ всякаго со-
мнѣнія), выяснилось, что нѣкоторые участ-
ники полемики, въ томъ числѣ видные
историки литературы, не имѣли въ рукахъ
полнаго текста поэмы. Разумѣется, ученые
специалисты, живущіе въ столицахъ, имѣютъ
возможность знакомиться съ „Гавриліадой“,
по изд. Н. Огарева, съ особаго разрѣшенія,

въ публичныхъ государственныхъ библіотекахъ. Но для очень многихъ изучающихъ творчество Пушкина, особенно если они живутъ въ провинціи, доступъ къ „Гавриліадѣ“ закрытъ. Помимо того, каждый писатель, каждый историкъ знаетъ, какъ важно имѣть матеріаль для своей работы въ своемъ личномъ распоряженіи, на своемъ письменномъ столѣ, а не только въ публичной библіотекѣ, притомъ въ одномъ экземплярѣ, на который можетъ быть предъявлено нѣсколько требованій.

Все это было бы еще не такъ важно, будь „Гавриліада“ — случайная „шалость пера“ (хотя и такія „шалости“ у Пушкина — драгоценность, какъ и каждая его строка); но поэма, написанная Пушкинымъ въ 1822 г., между „Братьями Разбойниками“ и „Бахчисарайскимъ Фонтаномъ“, принадлежитъ къ числу обдуманнѣйшихъ и наиболѣе обрабо-

танныхъ созданій великаго поэта. „Тайные стихи обдумывать люблю“, говорилъ о себѣ Пушкинъ; и, дѣйствительно, тѣмъ своимъ стихамъ; отдать которые въ печать нечего было и думать, Пушкинъ посвящалъ столько же вниманія, столько же труда, какъ и произведеніямъ, назначаемымъ для широкаго распространенія. Въ „Гавриладѣ“ — то же художественное совершенство, какъ и въ другихъ поэмахъ Пушкина, та же мастерская отдѣлка стиха, достававшаяся поэту путемъ долгой и напряженной работы (какъ то доказываютъ черновыя рукописи), тотъ же свѣтъ генія, блески огромнаго ума, тонкаго остроумія, начитанности. Наконецъ, „Гаврилада“ — существенный источникъ для знакомства съ біографіей Пушкина, его духовнымъ развитіемъ, эволюціей его міросозерцанія. Близкое знакомство съ „Гавриладой“ необходимо каждому, кто хочетъ узнать и понять Пушкина.

Н. Огаревъ, первый издатель „Гавриліады“, признаетъ ея „языкъ и форму“ — „безукоризненно изящными“, хотя „содержаніе проникнуто религіознымъ и политическимъ вольномысліемъ“. „Для насъ, — пишетъ Н. Огаревъ, — очень важна эта сторона изящества неприличныхъ стихотвореній Пушкина; мы слишкомъ неизбѣжно видимъ, какъ съ отсутствіемъ изящности формъ въ жизни, на долю стихотвореній неприличнаго содержанія, остается только неприличность и устраняется все изящное. „Гавриліада“, принадлежащая къ произведеніямъ ранняго возраста поэта, безъ сомнѣнія отзывается вліаніемъ Парни. Разсказъ Сатаны о томъ, какъ и почему онъ научилъ Еву отвѣдать запрещеннаго плода, и прилетѣть голубя имѣютъ всю силу и прелесть лучшихъ позднѣйшихъ произведеній Пушкина“. Нѣсколько далѣе, Н. Огаревъ добавляетъ: „Пушкинъ

довель стихотворенія эротическаго содержания до высокой художественности, гдѣ уже ни одна грубая черта не высказывается угловато и все облечено въ поэтическую прозрачность“.

Можно соглашаться и не соглашаться съ выводами Н. Огарева, но уже самый фактъ, что они были высказаны такимъ чуткимъ и авторитетнымъ критикомъ, обязываетъ всѣхъ, изучающихъ Пушкина, ознакомиться съ „Гаврилиадою“. Закрѣпить на нее глаза—значитъ сознательно отбросить важный этапъ въ творчествѣ великаго поэта. Самъ Пушкинъ позднѣе, какъ говорятъ, отрекался отъ „Гаврилиады“, не терпѣлъ даже упоминанія въ своемъ присутствіи объ этой поэмѣ. Но, во-первыхъ, такія свидѣтельства еще требуютъ провѣрки, а, во-вторыхъ, поэтъ, создавшій художественное произведеніе, какъ бы теряетъ свои права надъ нимъ: оно

принадлежить уже всему человѣчеству. Не забудемъ, что Гоголь хотѣлъ уничтожить „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“, что Тассо искажилъ передѣлками „Освобожденный Иерусалимъ“, что Боттичелли въ старости порывался уничтожить всѣ свои лучшія картины: потомство, однако, сохранило прелестныя сказки Гоголя, читая поэму Тассо въ первой, не передѣланной, редакціи, восхищается понынѣ полотнами Боттичелли. „Изъ пѣсни слова не выкинешь“, и Пушкинъ не властенъ уничтожить тотъ фактъ, что въ его жизни былъ періодъ, когда онъ съ увлеченіемъ работалъ надъ „Гаврилиadou“ и создалъ превосходную поэму, хотя и противорѣчащую обычнымъ понятіямъ о нравственности и религіозности.

Мы изучаемъ эротиковъ греческой и латинской антологіи, и ученые филологи составляютъ спеціальныя словари къ эротиче-

ской поэзіи древнихъ; мы читаемъ „неприличныя“ новеллы итальянскаго Ренессанса, Боккаччо, его предшественниковъ и современниковъ, желая ознакомиться съ духомъ вѣка; историки не могутъ не знакомиться съ „непристойными“ созданіями французской литературы XVIII вѣка, такъ ярко выражающими настроеніе эпохи; сколько есть ученыхъ изданій хотя бы „Дѣвственницы“ Вольтера! Какъ же можемъ мы изъ исторіи русской литературы выкинуть фактъ существованія въ ней „Гавриліады“? Русское общество достаточно зрѣло, чтобы отнестись къ ней именно какъ къ историческому факту, который ничѣмъ не можетъ затемнить ни славы Пушкина, ни общаго характера нашей литературы. Наука обязана изучать всѣ факты, не дѣлая среди нихъ выбора съ точки зрѣнія этической. Изслѣдователи Пушкина, его творчества и его біографіи, нуждаются

въ изданіи „Гавриліады“, которое было бы сдѣлано со всей, нынѣ доступной, науочною пріемовъ. Безъ такого изданія невозможно, во всей полнотѣ, изслѣдовать развитіе стихотворной техники Пушкина, его образовъ, пріемовъ его творчества; невозможно вполнѣ уяснить міросозерцаніе поэта въ началѣ 20-хъ годовъ, его духовный обликъ, въ періодъ, когда онъ „усердно читалъ Библию“ и „бралъ уроки чистаго аеизма“; невозможно, наконецъ, осмыслить нѣкоторыя подробности Пушкинской біографіи, тѣснѣйшимъ образомъ связанной съ „дѣломъ о Гавриладѣ“.

Выводъ изъ всего сказаннаго, по нашему мнѣнію, неоспоримъ. Необходимо дать русской литературѣ новое изданіе „Гавриліады“, чтобы въ наше время, когда научное изученіе Пушкина стало, наконецъ, на твердую почву, когда о Пушкинѣ читаются специаль-

ные курсы лекцій въ университетахъ и на высшихъ женскихъ курсахъ, когда цѣлое поколѣніе молодыхъ изслѣдователей, на семинаріяхъ профессора и самостоятельно, посвящаетъ свой трудъ изученію жизни Пушкина, его дѣятельности, его языка, стиля, слога, стиха, размѣровъ, рѣчь, — чтобы въ это время лица, серьезно интересующіяся нашимъ великимъ поэтомъ, могли имѣть въ своихъ рукахъ все, безъ исключенія, его лирическія поэмы. Ихъ Пушкинымъ было написано, не считая небольшихъ отрывковъ, (и романа „Евгеній Онѣгинъ“), всего двѣнадцать: „Русланъ и Людмила“, „Кавказскій Плѣнникъ“, „Братья Разбойники“, „Гавриліада“, „Бахчисарайскій Фонтанъ“, „Цыгане“, „Полтава“, „Графъ Нулинъ“, „Домикъ въ Коломнѣ“, „Мѣдный Всадникъ“, „Анджело“, „Галубъ“: слишкомъ чувствительная потеря — исключить изъ этого ограниченнаго числа

1/12 часть, 551 Пушкинскій стихъ. Наша литература не такъ богата, чтобы приносить подобныя жертвы на алтарь условной морали.

Мы, конечно, не имѣемъ притязанія—дать то научное изданіе, о которомъ говорится выше: для этого необходимо было бы располагать рукописными матеріалами. Наша работа—лишь первое начинаніе въ этомъ направленіи. Все же мы назначаемъ наше изданіе преимущественно для лицъ, изучающихъ Пушкина, а не для широкаго круга читателей, почему и выпускаемъ эту книгу въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. По той же причинѣ въ „Примѣчаніяхъ“ мы даемъ почти исключительно указанія по критикѣ текста и біоbibліографическія. Какъ общее историко-литературное вступленіе, мы перепечатаваемъ, съ разрѣшенія автора, статью В. Я. Брюсова, которая впервые была

помѣщена въ изд. сочиненій Пушкина подъ ред. С. А. Венгерова, а для нашего изд. вновь пересмотрѣна и пополнена.

Альціона.

Г А В Р И Л І А Д А .

I.

Въ бумагахъ Пушкина сохранился такой набросокъ, относящійся къ началу 30-хъ годовъ:

На это скажутъ мнѣ съ улыбкою невѣрной:
„Смотрите, вы поэтъ—уклонный, лицемѣрный,
Вы насъ морочите. Вамъ слава не нужна?
Смѣшной и суетной вамъ кажется она?
Зачѣмъ же пишете?“—Я? для себя!—„За что же
Печатаете вы?“—Для денегъ!—„Ахъ, мой Боже!
Какъ стыдно!“—Почему жъ...

Раньше, въ 1824 г., Пушкинъ высказалъ ту же мысль въ письмѣ къ кн. П. Вяземскому (8 марта): „Я пишу для себя, а пе-

чатаю для денегъ“, и повторялъ ее не разъ въ другихъ письмахъ, въ „Разговорѣ Книгопродавца съ Поэтомъ“, въ „Родословной моего героя“.

И, дѣйствительно, Пушкинъ всю жизнь оставался вѣренъ этому афоризму: „Пишу для себя, печатаю для денегъ“, притомъ не только второй его половинѣ, но и первой. Пушкинъ продавалъ („бросалъ толпѣ, рабынѣ суеты“) лишь „плоды“ своего труда, а не самый трудъ, и въ этомъ смыслѣ называлъ свою лиру „свободной“. Начиная новое произведеніе, Пушкинъ никогда не задумывался надъ тѣмъ, напечатаетъ ли онъ его или принужденъ будетъ оставить въ своихъ тетрадахъ и сообщить лишь близкимъ друзьямъ. Извѣстно, что даже „Евгенія Онѣгина“ Пушкинъ началъ безъ надежды увидѣть его въ печати, и тогда писалъ кн. Вяземскому: „О печати и думать

нечего“, брату: „Бируковъ ея (поэмы) не увидить“, А. А. Бестужеву: „Если когда-нибудь она и будетъ напечатана, то вѣрно не въ Москвѣ и не въ Петербургѣ“.

Число стихотвореній Пушкина, не напечатанныхъ при его жизни, огромно. Здѣсь есть и лирическія строфы, слишкомъ интимныя для печати, и эпиграммы, слишкомъ для нея колкія, и политическія оды, слишкомъ вольныя, и цѣлыя поэмы. Замѣчательно, что художественный уровень этихъ произведеній нисколько не ниже, чѣмъ стиховъ, предназначавшихся для широкаго распространенія. Пушкинъ работалъ надъ тѣми своими стихами, которыхъ онъ могъ остаться единственнымъ читателемъ, тѣми же самыми методами, съ тѣми же упорствомъ и вниманіемъ, какъ и надъ всѣми другими своими созданіями, и по праву примѣнялъ онъ къ себѣ стихи Андрэ Шенье:

безъ отзыва утѣшно я пою,
И тайные стихи обдумывать люблю.

Только этимъ правиломъ „пишу для себя“, только этой любовью „обдумывать тайные стихи“ можно объяснить созданіе „Гавриліады“, поэмы, печатать которую полностью не рѣшаются и теперь, черезъ семьдесятъ лѣтъ послѣ смерти Пушкина, и самое существованіе которой едва не повлекло за собой тяжкія бѣды для автора. Черновыхъ „Гавриліады“ до насъ не дошло (онѣ были, вѣроятно, истреблены Пушкинымъ), но мы знаемъ, что такіе плавные, безукоризненные стихи давались Пушкину только послѣ упорной работы, и мы не можемъ сомнѣваться, что существовало два или три варианта поэмы, прежде чѣмъ она приняла свой окончательный видъ. Въ тотъ самый годъ (1822), когда Пушкинъ писалъ въ одномъ письмѣ: „на конченную свою поэму я смотрю какъ

сапожникъ на пару своихъ сапогъ, и продаю съ барышомъ“,—онъ же работалъ надъ поэмой, которую, кончивъ, не могъ продать ни за грошъ, и которую самъ признавалъ „опасными стихами“. Нужно ли большее доказательство, что искренно были написаны стихи о поэтѣ:

Твой трудъ

Тебѣ награда; имъ ты дышишь...

II.

„Гаврилиада“ занимаетъ среди сочиненій Пушкина особое положеніе, такъ какъ авторъ принужденъ былъ отъ нея отречься.

Въ іюнѣ 1828 г. дворовые люди нѣкоего штабсъ-капитана Митькова донесли петербургскому митрополиту, что „господинъ ихъ развращаетъ ихъ въ понятіяхъ православной вѣры“, читая имъ по рукописи „развратное

сочиненіе подъ заглавіемъ Гавриліады“. При доносѣ была приложена и рукопись поэмы. Дѣло было доведено до государя, который повелѣлъ вести его генераль-губернатору и образовать для разбора особую комиссію изъ гр. В. Кочубея, гр. П. Толстого и кн. А. Голицына.

Къ отвѣту вскорѣ былъ привлеченъ и Пушкинъ, потому ли что на рукописи стояло его имя, или потому, что на него, какъ на автора поэмы, указалъ Митьковъ. При первомъ допросѣ, въ августѣ 1828 г., Пушкину были поставлены вопросы: а) имъ ли была писана поэма Гавриліада? б) въ какомъ году? в) имѣеть ли онъ у себя оную? Пушкинъ, какъ указано въ официальномъ „дѣлѣ“, на эти вопросы „рѣшительно отвѣчалъ, что сія поэма писана не имъ, что онъ въ первый разъ видѣлъ ее въ Лицеѣ въ 1815 или 1816 году, и переписалъ ее, но не

помнить, куда дѣвалъ сей списокъ, и что съ того времени онъ не видалъ ее“.

Этотъ отвѣтъ не удовлетворилъ государя, и онъ повелѣлъ Толстому вновь призвать Пушкина и спросить у него: „Отъ кого получилъ онъ въ 15-мъ или 16-мъ году, находясь въ Лицеѣ, упомянутую поэму, изъяснивъ, что открытіе автора уничтожить всякое сомнѣніе по поводу обращающихся экземпляровъ сего сочиненія подъ именемъ Пушкина“. Отвѣтъ Пушкина на этотъ новый вопросъ дошелъ до насъ въ подлинникѣ; вотъ онъ:

„1828 года Августа 19, нижеподписавшійся 10 класса Александръ Пушкинъ вслѣдствіе высочайшаго повеленія, объявленнаго Г. Главнокомандующимъ въ С.-Петербургѣ и Кронштадтѣ, бывъ призванъ къ С.-Петербургскому Военному Губернатору, спрашиваемъ, отъ кого именно получилъ поэму

подъ названіемъ Гавриліада, показалъ: — Рукопись ходила между офицерами Гусарскаго полка, но отъ кого изъ нихъ именно я досталъ оную, я никакъ не упомню. Мой же списокъ сжегъ я, вѣроятно, въ 20-мъ году. Осмѣливаюсь прибавить, что ни въ одномъ изъ моихъ сочиненій, даже изъ тѣхъ, въ коихъ я наиболѣе раскаиваюсь, нѣтъ слѣдовъ духа безвѣрія или кощунства надъ религією. Тѣмъ прискорбнѣе для меня мнѣніе, приписывающее мнѣ произведеніе жалкое и постыдное. “

28 августа отвѣтъ Пушкина былъ доложенъ государю. На докладѣ, со словъ государя, рукою Бенкендорфа написано такое рѣшеніе: „Гр. Толстому призвать Пушкина къ себѣ и сказать ему моимъ именемъ, что, зная лично Пушкина, я его слову вѣрю. Но желаю, чтобы онъ помогъ правительству открыть, кто могъ сочинить подобную мер-

зость и обидѣть Пушкина, выпуская оную подь его именемъ.“ Послѣ этого Пушкинъ былъ призванъ къ допросу въ третій разъ.

Дальнѣйшій ходъ дѣла изложенъ въ протоколѣ Комиссіи отъ 7-го октября такъ: „Главнoкомандующій въ С.-Петербургѣ и Кронштадтѣ, исполнивъ вышеупомянутую собственноручную Его Величества отмѣтку, требовалъ отъ Пушкина, чтобъ онъ, видя такое къ себѣ благоснисхождение Его Величества, не отговаривался отъ объявленія истины, и что Пушкинъ по довольномъ молчаніи и размышленіи спрашивалъ: позволено ли будетъ ему написать прямо Государю Императору, и получивъ на сіе удовлетворительный отвѣтъ, тутъ же написалъ къ Его Величеству письмо и, запечатавъ оное, вручилъ графу Толстому. Комиссія положила, не раскрывая письма сего, представить оное Его Величеству, донося и о

томъ, что графомъ Толстымъ комиссії сообщено“.

Содержаніе письма Пушкина къ государю въ точности неизвѣстно. Но „дѣло“ послѣ этого письма было прекращено.

Замѣтимъ еще, что Пушкинъ во время хода этого дѣла, 1 сентября, писалъ въ частномъ письмѣ кн. П. Вяземскому: „Ты зовешь меня въ Пензу, а того и гляди, что я поѣду далѣе,—„Прямо, прямо на востокъ“. Мнѣ навязалась на шею преглупая штука. До Правительства дошла, наконецъ, Гавриліада; приписываютъ ее мнѣ; донесли на меня, и я, вѣроятно, отвѣчу за чужія проказы, если кн. Дм. Горчаковъ не явится съ того свѣта отстаивать права на свою собственность. Это да будетъ между нами“.

III.

Итакъ, Пушкинъ, нѣсколько разъ, опредѣленно отрекся отъ „Гавриліады“ и даже указалъ, какъ на ея автора, на другое лицо.

Можно ли повѣрить этому отреченію?— Рѣшительно нѣтъ.

Есть извѣстіе, что у кн. Вяземскаго была полная рукопись „Гавриліады“, писанная Пушкинымъ (см. Примѣчанія), но сохранилась ли она, неизвѣстно. Зато есть автографъ, даже болѣе убѣдительный: программа этой поэмы, составленная Пушкинымъ, какъ составлялъ онъ обычно программы и другихъ своихъ большихъ произведеній. Рукопись руки Пушкина можно было бы выдавать за списокъ, сдѣланный имъ съ чужого оригинала, но одно существованіе этой программы въ Кишиневской тетради уже неопровержимо доказываетъ принадлежность „Гавриліады“ Пушкину.

Затѣмъ въ той же Кишиневской тетради Пушкина есть набросокъ стихотворенія, которое нельзя истолковать иначе, какъ намеками на „Гавриліаду“. Среди безсвязныхъ, недоконченныхъ строфъ мы читаемъ здѣсь такіе стихи:

Прими въ залогъ воспоминанья
Мои завѣтные стихи...
И подъ печатью потаенной
Прими опасные стихи...
Не удивляйся, милый другъ,
Ея израильскому платью...
Вотъ Муза, рѣзвая болтуня,
Которую ты такъ любилъ.
Она раскаялась шалунья
Придворный тонъ ся плѣнилъ...
Ея Всевышній осѣнилъ
Своей небесной благодатью,
Она духовному занятю
Опасной жертвуетъ игрой...

Въ этихъ наброскахъ еще трудно уловить общій остовъ слагавшагося стихотворенія,

но основная мысль его совершенно ясна: это обращеніе, епвоі къ кому-то (кн. Вяземскому? Н. С. Алексѣеву?) при посылкѣ „Гавриліады“.

Авторъ „Гавриліады“ въ концѣ поэмы называетъ себя:

Другъ демона, повѣса и предатель.

Выраженія эти вполне подходятъ къ Пушкину. „Предателемъ“, т.-е. предателемъ въ любви, могъ назвать себя Пушкинъ, вспоминая „коварныя старанья преступной юности своей“, „повѣсой“ называлъ онъ себя и въ другихъ стихотвореніяхъ, какъ, напр., „а я, повѣса вѣчно праздный“, „другомъ демона“ былъ онъ какъ другъ А. Н. Раевского.

Кн. П. А. Вяземскій, 10 декабря 1822 г., посылая А. И. Тургеневу значительный отрывокъ изъ Гавриліады, писалъ про нее вполне опредѣленно, какъ про поэму Пушкина: „Пушкинъ прислалъ мнѣ одну свою прекрасную шалость“.

Уже всѣхъ этихъ „формальныхъ“ и „документальныхъ“ доказательствъ совершенно достаточно, чтобы установить авторство Пушкина *.

Но, быть можетъ, еще убѣдительнѣе доказательства, такъ сказать, внутреннія, почерпаемая изъ самой поэмы, ея строенія, ея языка.

Форма „Гавриліады“ вполне соотвѣтству-

* Есть еще извѣстіе, будто нѣсколько стиховъ „Гавриліады“ предназначались потомъ для стихотворенія „19 октября 1825 г.“ (см. Гротъ, „Пушкинъ“, 2 изд., стр. 280). Но извѣстіе это, сообщаемое однимъ С. Д. Комовскимъ, по справедливости подвергается сомнѣнію. Полагаютъ, что Комовскій, огорченный тѣмъ, что Пушкинъ ни разу не упомянулъ его имени въ своихъ стихахъ, попытался самъ пополнить этотъ пробѣлъ и смастерилъ изъ стиховъ „Гавриліады“ будто бы новую, пропущенную строфу „19 октября 1825 г.“ (см. Сочиненія Пушкина, изд. Ефремова, томъ VIII, стр. 223).

еть обычнымъ формамъ поэмъ Пушкина, съ фабулой, развивающейся сжато и быстро, со смѣлыми лирическими отступленіями, при необыкновенной стройности составныхъ частей. Стихъ „Гаврилады“ — прозрачный, кристальный стихъ Пушкина, тайной котораго владѣль онъ одинъ и „поддѣлать“ который могъ бы только поэтъ, не уступающій Пушкину по дарованію. Образы поэмы четки и ярки, эпитеты точны и обдуманнны, многія отдѣльныя мѣста по-истинѣ составляютъ драгоцѣнныя жемчужины русской поэзіи.

Наконецъ, весь стиль, вся манера въ „Гавриладѣ“ чисто Пушкинскіе. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Пушкинъ любилъ называть глаза— „томными“ или „внимательными“. Мы читаемъ у него: „И томныхъ дѣвъ устремлены на васъ внимательныя очи“, или: „Ихъ

томный взоръ, привѣтный лепеть“. Въ „Гавриліадѣ“ соотвѣтственно этому:

Но что же такъ волнуетъ и манитъ
Ея къ себѣ внимательныя очи.

Высокій станъ, взоръ томный и стыдливый.

Вообще слово „томный“ встрѣчается у Пушкина очень часто; столь же часто встрѣчается оно и въ „Гавриліадѣ“. Вотъ еще примѣръ:

И нѣжилась на ложѣ томной лѣни.

(Этотъ стихъ къ тому же напоминаетъ другой, изъ стихотворенія „Желаніе“: „Душой заснуть на ложѣ мирной лѣни“).

Пушкинъ любилъ „красотѣ“ придавать эпитетъ „стыдливый“. Напр.: „Она покоится стыдливо въ красѣ торжественной своей“; „Стыдливо холодна, восторгу моему едва отвѣтствуешь“. Въ „Гавриліадѣ“ читаемъ:

И къ радостямъ, на ложе наслажденій,
Стыдливую склонили красоту.

Въ посланіи Н. С. Алексѣеву Пушкинъ упоминаетъ „докучливую мать“; тотъ же эпитетъ встрѣчается и въ „Гавриладѣ“:

При матери докучливой и строгой.

Въ „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“ есть стихъ: „Языкъ мучительныхъ страстей“. въ „Гавриладѣ“ это выраженіе повторяется буквально:

... тайный гласъ мучительныхъ страстей.

Въ „Русланѣ и Людмилѣ“ есть выраженіе „Любви готовятся дары“; въ Гавриладѣ“ сказано почти такъ же:

Его любви готова новый даръ.

Такихъ же параллелей можно было бы привести немало. Вотъ еще нѣсколько выраженій „Гаврилады“, которыя трудно не признать „Пушкинскими“:

И снова ждетъ плѣнительнаго сна.

Въ тѣ дни, когда отъ огненнаго взора
Мы чувствуемъ волненіе въ крови.

—
Когда тоска обманчивыхъ желаній
Объемлетъ насъ...

—
Скучна была ихъ дней однообразность.

—
Въ объятіяхъ лѣнивой тишины.

—
И счастлива въ прелестной наготѣ.

Можно утверждать одно: если „Гавриліада“ написана не Пушкинымъ, то одновременно съ нимъ жилъ въ Россіи другой равный ему по дарованію поэтъ, обладавшій къ тому же поразительнымъ даромъ имитациі.

IV.

Какъ же должны мы относиться къ отреченію Пушкина отъ своей поэмы?

Прежде всего, надо вспомнить положеніе Пушкина въ то время, когда возникло дѣло

о „Гавриліадѣ“ (августъ, 1828 г.). Не прошло еще и двухъ лѣтъ, какъ Пушкинъ былъ возвращенъ изъ ссылки. Ему были очень памятны мѣсяцы, „высиженные глазъ на глазъ со старой няней, въ Михайловскомъ“. Правительство имѣло не мало поводовъ смотрѣть на него косо. Лѣтомъ 1827 г. разыгралось дѣло о стихахъ „Андрей Шенье“. Въ октябрѣ того же года надѣлала шума встрѣча Пушкина съ Кюхельбекеромъ.

Съ другой стороны, незадолго передъ тѣмъ Пушкинъ впервые повстрѣчался съ Н. Н. Гончаровой. Новая, могущественная любовь наполняла его душу. Новыя надежды встали передъ его воображеніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Пушкинъ былъ уже далекъ отъ невѣрія своей юности. Близились годы религіозныхъ раздумій, приведшихъ къ такимъ стихотвореніямъ, какъ „Отцы-пустынники“, „Какъ съ древа сорвался“, „Галубъ“. Въ 1828

году Пушкинъ былъ уже авторомъ „Бориса Годунова“, уже создавалъ „Полтаву“.

И вдругъ на него падаетъ обвиненіе, что онъ — авторъ кощунственной поэмы, которую государь называетъ „мерзостью“, обвиненіе въ преступленіи противъ первыхъ параграфовъ нашего законодательства. Что могло грозить Пушкину? только ли немилость двора? а, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ поѣздка „прямо на востокъ“, „рудники сибирскіе“! Во всякомъ случаѣ, все зданіе нѣкотораго спокойствія и нѣкоторой независимости, воздвигнутое съ такимъ трудомъ, рушилось. Рушилась и надежда на бракъ съ Н. Н. Гончаровой.

Вѣроятно, подѣ вліяніемъ такихъ невеселыхъ думъ Пушкинъ и писалъ тогда:

Снова тучи надо мною
Собралися въ тишинѣ;
Рокъ завистливый бѣдою

Угрожаетъ снова мнѣ.
Сохраню ль къ судьбѣ презрѣнье?
Понесу ль навстрѣчу ей
Непреклонность и терпѣнье
Гордой юности моей?

Пушкинъ не сохранилъ „презрѣнья“ къ судьбѣ, не понесъ ей навстрѣчу „непреклонность“ своей „гордой юности“. Онъ попытался обмануть своихъ судей, „отпирался“ (по выраженію кн. А. Н. Голицына), сваливалъ свою вину на другого — сначала на какихъ-то „офицеровъ гусарскаго полка“, потомъ (письмо къ кн. Вяземскому) на кн. Д. П. Горчакова. И только, такъ сказать, „припертый къ стѣнѣ“ явно выраженнымъ недовѣріемъ государя, — рѣшилъ, наконецъ, прибѣгнуть къ его великодушію.

Первое увѣреніе Пушкина, что онъ получилъ „Гавриліаду“ въ Лицеѣ, въ 1815 или 1816 г., отъ офицеровъ гусарскаго полка,

не заслуживаетъ опроверженія. До 1815 г., т.-е. до подвига совершеннаго самимъ Пушкинымъ, никто не могъ написать такой поэмы по-русски: не существовало для того ни языка, ни стиха.

Столь же неправдоподобно и увѣреніе, что авторъ „Гавриліады“—кн. Д. П. Горчаковъ. Хотя самъ Пушкинъ хвалилъ въ его сатирахъ „слога чистоту“ („Городокъ“), но стихъ Горчакова, во всѣхъ его подлинныхъ произведеніяхъ, характерный до-Пушкинскій стихъ, даже болѣе близкій къ стиху XVIII вѣка, чѣмъ къ стиху Жуковскаго и Батюшкова.

Кромѣ того, Пушкинъ не могъ серьезно увѣрять кн. Вяземскаго, что авторъ „Гавриліады“—кн. Горчаковъ, когда самъ послалъ кн. Вяземскому „Гавриліаду“ какъ „свою шалость“. То мѣсто въ письмѣ Пушкина, гдѣ говорится о кн. Горчаковѣ, нельзя счесть

ничѣмъ инымъ, какъ косвеннымъ предупрежденіемъ кн. Вяземскому: опровергать въ обществѣ слухи объ авторствѣ Пушкина. Опасаясь обычной въ тѣ дни перлюстраціи писемъ, Пушкинъ не рѣшился выразиться опредѣленно, но кн. Вяземскій понялъ его, и писалъ ему въ отвѣтъ: „Сердечно жалѣю о твоихъ хлопотахъ по поводу „Гавріила“, но надѣюсь, что послѣдствій худыхъ не будетъ.“

Замѣтимъ, что, намекая какъ на автора „Гавриліады“, именно на кн. Горчакова, Пушкинъ поступалъ очень осторожно. Горчаковъ и ранѣе былъ извѣстенъ, какъ авторъ разныхъ нецензурныхъ стиховъ. Новая такая поэма не измѣняла ничего въ его худой или доброй славѣ. Лично же кн. Горчакову никакихъ непріятностей угрожать не могло: онъ былъ уже внѣ земного суда, такъ какъ скончался четыре года назадъ, въ 1824 г.

Что касается письма Пушкина, которое было передано государю нераспечатаннымъ, то, какъ мы говорили, содержаніе его неизвѣстно. Возможны два предположенія: Пушкинъ въ этомъ письмѣ называлъ или того же кн. Д. П. Горчакова, или себя. Есть косвенное указаніе въ пользу второго предположенія.

Въ программѣ записокъ, продиктованной кн. А. Н. Голицынымъ, членомъ Комиссіи по разбору дѣла о „Гавриліадѣ“ и лицомъ, очень близкимъ къ Николаю Павловичу, подъ 30 декабря 1837 г. записано слѣдующее: „Гавриліада“ Пушкина. Отпирательство Пушкина. Признаніе. Обращеніе съ нимъ государя. Важный отзывъ самого князя, что не надобно осуждать умершихъ“. Послѣднія слова добавлены тѣмъ лицомъ, которому кн. А. Н. Голицынъ диктовалъ свою программу.

Кн. Голицынъ, по положенію своему, могъ знать лично отъ государя содержаніе письма Пушкина. Только это, неизвѣстное намъ письмо Пушкина и могло быть тѣмъ „признаніемъ“, о которомъ говоритъ Голицынъ: всѣ другія показанія Пушкина были именно „отпирательствомъ“. Заключительный „отзывъ князя“ можно истолковать такъ: онъ желалъ оставить себѣ напоминаніе (на то время, когда будетъ обрабатывать свою „программу“), что не должно осуждать уже покойнаго (1837 г.) Пушкина за проступокъ его молодости.

Если въ письмѣ къ государю Пушкинъ, дѣйствительно, назвалъ авторомъ „Гаврилады“ себя, съ него до нѣкоторой степени снимается и обвиненіе въ сознательной лжи, которое очень многимъ казалось несомнѣннымъ съ образомъ Пушкина.

V.

Время написанія „Гавриліады“ опредѣляется тѣмъ, что программа ея написана среди чернового наброска посланія къ Чаадаеву, помѣченнаго 6 апрѣлемъ 1821 г. Въ декабрѣ 1822 г. „Гавриліада“ была уже въ рукахъ кн. Вяземскаго. Такимъ образомъ „Гавриліада“ была создана съ половины 1821 по конецъ 1822 г.

За это время въ поэзіи Пушкина встрѣчается цѣлый рядъ созданій, одѣтыхъ въ „израильское платье“, цѣлый рядъ образовъ, почерпнутыхъ изъ Библии. Тогда были написаны: „Десятая Заповѣдь“, переводы изъ „Пѣсни Пѣсней“, „Еврейкѣ“, „Свободы сѣятель пустынный“ и наброски „адской поэмы“, дѣйствіе которой должно было происходить въ аду. Судя по этимъ стихамъ,

надо заключить, что тогда среди „царицъ сердца“ у Пушкина была какая-то еврейка, къ которой и относится обращеніе „моя Ревекка“. Возможно, что и вся „Гавриліада“ обращена къ ней, по крайней мѣрѣ, такъ позволяютъ думать стихи:

Зачѣмъ же ты, еврейка, улыбулась
И по лицу румянецъ пробѣжалъ?
Я не тебя, Марію описалъ.
Ахъ, милая, ты, право, обманулась.

Нѣсколько позже (въ началѣ 1824 г.) Пушкинъ въ письмѣ, послужившемъ поводомъ къ его ссылкѣ, писалъ: „Читаю Библию, святой духъ иногда мнѣ по сердцу“...

Литературные образцы для „Гавриліады“ Пушкинъ могъ найти въ поэмахъ на библейскіе сюжеты любимца своей юности Парни. Отдѣльные стихи „Гавриліады“ довольно близко напоминаютъ нѣкоторыя мѣста этихъ поэмъ.

„Гавриліада“ написана пятистопнымъ ямбомъ, притомъ пятистопнымъ ямбомъ перваго періода Пушкинскаго творчества. До 1830 г. Пушкинъ въ пятистопномъ ямбѣ всегда строго соблюдалъ мужскую цезуру послѣ второй стопы. Такъ написаны стихотворенія „Желаніе“ (1821 г.), „19 октября“ (1825 г.), переводъ отрывка „Дѣвственницы“ (1825 г.), „Я васъ любилъ“ (1829 г.), эпиграммы на Каченовскаго (1829 г.), весь „Борисъ Годуновъ“ и вся „Гавриліада“. Въ „Домикѣ въ Коломенѣ“ Пушкинъ самъ говорилъ:

Признаться вамъ, я въ пятистопной строчкѣ
Люблю цезуру на второй стопѣ.

Но начиная съ 1830 г. Пушкинъ начинаетъ позволять себѣ нѣкоторыя вольности въ этомъ стихѣ. Не только онъ допускаетъ женскую цезуру послѣ второй стопы (единичные примѣры чего встрѣчаются у него

и раньше), но и цезуру послѣ третьей стопы, и даже стихи безъ определенной цезуры. Такихъ стиховъ сколько угодно: въ отрывкѣ „Въ началѣ жизни“, въ драмахъ 1830 г., въ „Русалкѣ“ и въ томъ самомъ „Домикѣ въ Коломнѣ“, въ которомъ прославляется „въ пятистопной строчкѣ цезура на второй стопѣ“. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Но видомъ величавая жена. („Въ началѣ жизни“).

Другой женообразный, сладострастный. (Ibid).

Вѣдь риѣмы вапросто со мной живутъ. („Домикъ въ Коломнѣ“).

Изъ мелкой сволочи вербую рать. (Ibid).

Онъ сутки замертво лежалъ, и врядъ ли. („Скупой Рыцарь“).

Мнѣ дамъ и герцога. Проклятый графъ. (Ibid).

Ребенкомъ будучи, когда высоко. („Моцартъ и Сальери“).

Послѣдней въ Андалузїи крестьянки. („Каменный гость“).

—
Да подговаривать всѣхъ, бѣдныхъ дурь. („Русалка“).

Этотъ списокъ, изъ стиховъ 1830—1837 г. можно было бы сдѣлать очень длиннымъ. Напротивъ, до 1830 г. у Пушкина пятистопные ямбическіе стихи безъ мужской цезуры на второй стопѣ — составляютъ величайшее исключеніе. Если мы не ошибаемся, во всемъ „Борисѣ Годуновѣ“ только одинъ подобный стихъ *; въ „Гавриладѣ“ ни одного, и это можетъ служить лишнимъ доказательствомъ, что ея авторъ—Пушкинъ.

Исторія распространенія „Гаврилады“ среди читателей еще не изучена. Если въ письмѣ къ А. А. Бестужеву подъ „Благовѣщеніемъ“ разумѣется именно „Гаврилада“, надо бу-

* Въ „Борисѣ Годуновѣ“:
Ты, отче патріархъ, вы всѣ, бояре (Сп. IV).

детъ признать, что Пушкинъ самъ сообщилъ свою поэму по меньшей мѣрѣ двумъ лицамъ: кн. Вяземскому и А. Бестужеву. То обстоятельство, что „Гавриліада“ оказалась въ рукахъ штабсъ-капитана Митькова, чловѣка вообще чуждаго литературѣ, доказываетъ, что поэма въ 20-хъ годахъ получила уже широкое распространеніе. Въ позднѣйшіе годы жизни Пушкинъ (такъ рассказываетъ кн. Вяземскій) не терпѣлъ даже упоминанія о „Гавриладѣ“ въ своемъ присутствіи.

Валерій Брюсовъ.

ГАВРИЛАДА.

ГАВРИЛАДА.

Поэма въ одной пѣснѣ.

1. Во-истину Еврейки молодой
Мнѣ дорого душевное спасенье!
Приди ко мнѣ, прелестный Ангель мой,
И мирное прими благословенье.
Спасти хочу земную красоту!
Любезныхъ устъ улыбкою довольный,
Царю небесъ и Господу Христу
Пою стихи на лирѣ богомольной.
Смиранныхъ струнъ, быть можетъ, на-
конецъ
10. Ее плѣнять церковные напѣвы, —
И Духъ Святой осѣнить сердце дѣвы,

Властитель онъ и мыслей и сердець!
Шестнадцать лѣтъ—невинное творенье:
Бровь черная, двухъ дѣвственныхъ хол-
мовъ

Подъ полотномъ упругое движенье,
Нога любви, жемчужный рядъ зубовъ...
Зачѣмъ же ты, Еврейка, улыбнулась,
И по лицу румянецъ пробѣжалъ?
Я не тебя—Марію описалъ...

20. Ахъ милая, ты, право, обманулась.

Въ тиши полей, вдали Іерусалима,
Вдали забавъ и юныхъ волокитъ,
Которыхъ бѣсъ для гибели хранить,
Красавица, никѣмъ еще не зрима,
Безъ прихоти вела спокойный вѣкъ.
Ея супругъ, почтенный человекъ,
Сѣдой старикъ, плохой столяръ и плот-
никъ,
Въ селеньи былъ единственный работ-
никъ,

- И день и ночь, имѣя много дѣлъ,
30. То съ уровнемъ, то съ вѣрною пилою,
То съ топоромъ, не много онъ смѣтрѣлъ
На прелести, которыми владѣлъ,
И тайный цвѣтъ, которому судьбою
Назначена была другая честь,
На стебелькѣ не смѣлъ еще процвѣсть.
Лѣнивый мужъ своею старой лейкой
Въ часъ утренній не орошалъ его;
Онъ, какъ отецъ съ невинной жиль
Еврейкой,
Её кормилъ — и больше ничего.
40. Но съ праведныхъ небесъ во время оно
Всевышній Богъ склонилъ привѣтный
взоръ
На стройный станъ, на дѣвственное лоно
Рабы своей—и, чувствуя задоръ,
Онъ положилъ въ премудрости глубо-
кой

Благословить достойный вертоградъ,
Сей вертоградъ забытый, одинокій,
Щедрою таинственныхъ наградъ!

- Уже поля нѣмая ночь объемлетъ;
Въ своемъ углу Марія сладко дремлетъ,
50. Всевышній рекъ, и дѣвѣ снится сонъ:
Предъ нею вдругъ открылся небосклонъ;
Во глубинѣ небесъ необозримой,
Въ сіяніи и славѣ нестерпимой,
Тьмы Ангелы волнуются, кишатъ,
Безчисленны летаютъ Серафимы,
Струнами арфъ бряцаютъ Херувимы,
Архангелы въ безмолвіи сидятъ,
Главы закрывъ лазурными крылами,
И яркими одѣянъ облаками
60. Предвѣчнаго стоитъ предъ ними тронъ.
И свѣтелъ вдругъ очамъ явился Онъ!
Всѣ пали ницъ!.. Умолкнулъ арфы звонъ.
Склонивъ главу, едва Марія дышитъ,

Дрожить какъ листъ и голосъ Бога
слышитъ:

„Краса земныхъ, любезныхъ дочерей,
Израиля надежда молодая,
Зову тебя, любовію пылая,
Причастница ты славы будь моей,
Готова будь къ невѣдомой святынѣ,
70. Женихъ грядетъ, грядетъ къ своей
рабынѣ“.

Вновь облакомъ одѣлся Божій тронъ;
Возсталъ духовъ крылатый легіонъ,
И раздались небесной арфы звуки...

Открывъ уста, сложивъ умильно руки,
Лицу небесъ Марія предстоитъ.
Но что же такъ волнуетъ и манитъ
Ея къ себѣ внимательные взоры?
Кто сей въ толпѣ придворныхъ моло-
дыхъ
Съ нея очей не сводитъ голубыхъ?..

80. Пернатый шлемъ, роскошные уборы,
Сіянье крылъ и локоновъ златыхъ,
Высокій станъ, взоръ томный и стыд-
ливый —
Все нравится Маріи молчаливой...
Замѣченъ онъ, одинъ онъ сердцу милъ!
Гордись, гордись, Архангелъ Гавріиль!..
Пропало все, не внемля дѣтской пени;
На полотнѣ такъ исчезаютъ тѣни,
Рожденныя въ волшебномъ фонарѣ.
Красавица проснулась на зарѣ
90. И нѣжилась на ложѣ томной лѣни,
Но дивный сонъ, но милый Гавріиль
Изъ памяти ея не выходилъ.
Царя небесъ она плѣнить хотѣла,
Его слова пріятны были ей,
И передъ нимъ она благоговѣла...
Но Гавріиль казался ей милѣй.
Такъ иногда супругу генерала
Затянутый плѣняетъ адъютантъ.
Что дѣлать намъ? судьба такъ приказала.

00. Согласны въ томъ невѣжда и педангъ.

Поговоримъ о странностяхъ любви:
Другого я не смыслю разговора. —
Въ тѣ дни, когда отъ огненнаго взора
Мы чувствуемъ волненіе въ крови,
Когда тоска обманчивыхъ желаній
Объемлетъ насъ и душу тяготитъ,
И всюду насъ преслѣдуетъ, томитъ
Предметъ одинъ и думы и страданій,—
Не правда-ли, въ толпѣ молодыхъ друзей
110. Наперсника мы ищемъ и находимъ?
Съ нимъ тайный гласъ мучительныхъ
страстей
Нарѣчимъ восторговъ переводимъ...
Когда же мы поймали на лету
Крылатый мигъ небесныхъ упоеній
И къ радостямъ на ложе наслажденій
Стыдливую склонили красоту,
Когда любви забыли мы страданье

Но говорить армянское преданье,
Что царь небесъ, не пожалѣвъ похвалъ,
Въ меркуріи Архангела избралъ,
Замѣтя въ немъ и умъ и дарованье —
140. И вечеркомъ къ Маріи подослалъ.
Архангелу другой хотѣлось чести!
Нерѣдко онъ въ посольствахъ былъ
счастливъ;
Переносить записочки да вѣсти
Хоть выгодно, но онъ самолюбивъ!
И славы сынъ, намѣренье сокрывъ,
Сталъ нехотя услужливый угодникъ
Царю небесъ...

Но старый врагъ, не дремлетъ сатана;
Услышалъ онъ, шатаясь въ бѣломъ
свѣтѣ,
150. Что Богъ имѣлъ Еврейку на примѣтѣ—
Красавицу, которая должна
Спасти нашъ родъ отъ вѣчной муки ада;

Лукавому великая досада,
Хлопочетъ онъ. — Всевышній, между
тѣмъ,
На небѣ самъ сидѣлъ въ уныныи слад-
комъ,
Весь міръ забылъ, не правиль онъ ни-
чѣмъ —
И безъ него все шло своимъ порядкомъ.

Что жъ дѣлаетъ Марія? гдѣ она,
Іосифа печальная супруга?
160. Въ своемъ углу, печальныхъ думъ полна,
Проводитъ часъ невиннаго досуга
И снова ждетъ плѣнительнаго сна;
Съ ея души не сходитъ образъ милый,
Къ архангелу летитъ душой унылой;
Въ прохладѣ пальмъ, подъ говоромъ
ручья,
Задумалась красавица моя.
Не мило ей цвѣтовъ благоуханье...

Не весело веселыхъ водъ журчанье...
И видитъ вдругъ: прекрасная змѣя,
170. Приманчивой блистая чешуею,
Въ тѣни вѣтвей качается надъ нею,
И говоритъ: „Любимица небесъ,
Не убѣгай, я плѣнникъ твой послуш-
ный“...

Возможно ли? о чудо изъ чудесъ!..
Кто жъ говоритъ Маріи простодушной
Кто жъ это былъ? Увы, конечно, бѣсъ!

Краса змѣи, цвѣтовъ разнообразность,
Ея привѣтъ, огонь лукавыхъ глазъ
Понравились Маріи въ тотъ же часъ.
180. Чтобъ усладить младого сердца празд-
ность,

На сатанѣ покоя нѣжный взоръ,
Съ нимъ завела опасный разговоръ:
„Кто ты змѣя? По льстивому напѣву,
По красотѣ, по блеску, по глазамъ,

Я узнаю того, кто нашу Еву
Привлечь успѣлъ къ таинственному
древу
И тамъ склонилъ несчастную къ грѣ-
хамъ.

Ты погубилъ неопытную дѣву,
А съ нею весь Адамовъ родъ и насъ!
190. Мы въ безднѣ бѣдъ невольно потонули!
Не стыдно ли?“

— Попы васъ обманули,
И Еву я не погубилъ, а спасъ.
„Спасъ! отъ кого?“

— Отъ Бога.
„Врагъ опасный!“

— Онъ былъ влюбленъ.
„Послушай! берегись“.

— Онъ къ ней пылалъ —
„Молчи!“

— Любовью страстной.
Она была въ опасности ужасной.

„Змѣя, ты лжешь?“

— Ей Богу!

„Не божись“.

— Но выслушай!..

Подумала Марія:

Не хорошо въ саду, наединѣ,

200. Украдкою внимать навѣтамъ змія,

И кстати ли повѣрять сатанѣ!

Но Царь небесъ меня хранитъ и любитъ,

Всевышній благъ, — онъ вѣрно не по-

губитъ

Своей рабы... за что жъ? За разговоръ!

Къ тому же онъ не дастъ меня въ обиду,

Да и змѣя скромна довольно съ виду,

Какой тутъ грѣхъ? Гдѣ зло? пустое,

вздоръ!

Подумала и ухо преклонила,

Забывъ на часъ любовь и Гавріила.

210. Лукавый бѣсъ, не медля развернувъ

Гремучій хвостъ, согнувъ дугою шею,
Съ вѣтвей скользитъ и падаетъ предъ
нею;

Желаній огонь во грудь ея вдохнувъ,
Онъ говоритъ:

„Съ рассказомъ Мсисея,
Не соглашу рассказа моего;
Онъ вымысломъ плѣнить хотѣлъ Еврея,
Онъ важно лгалъ, — и слушали его.
Богъ наградилъ въ немъ слогъ и умъ
покорный,
Сталъ Моисей извѣстный господа;”
220. Но я, повѣрь, — историкъ не придворный,
Не нуженъ мнѣ пророка важный чинъ.

„Онѣ должны, красавицы другія,
Завидовать огню твоихъ очей,
Ты рождена, о скромная Марія!
Чтобъ изумлять адамовыхъ дѣтей,

Чтобъ властвовать надъ нѣжными серд-
цами,

Улыбкою блаженство имъ дарить,
Сводитъ съ ума двумя, тремя словами,
По прихоти любить и не любить...

230. Вотъ жребій твой! Какъ ты, младая Ева
Въ своемъ саду, скромна, умна, мила,
Но безъ любви въ уныніи цвѣла.
Всегда одни, глазъ на глазъ, мужъ и
дѣва

На берегахъ Эдема свѣтлыхъ рѣкъ,
Въ спокойствіи вели свой тихій вѣкъ.
Скучна была ихъ дней однообразность,
Ни рощи сѣнь, ни молодость, ни празд-
ность,

Ничто любви не воскрешало въ нихъ;
Рука съ рукой гуляли, жили, ѣли.

240. Зѣвали днемъ, а ночью не имѣли
Ни страстныхъ игръ, ни радостей жи-
выхъ...

Что скажешь ты? — Тиранъ несправед-
ливый

Еврейскій Богъ, угрюмый и строптивый,
Адамову подругу полюбя,
Ее хранилъ для самого себя...

Какая честь и что за наслажденье?

На небесахъ, какъ будто въ заточеньи,
У ногъ его молися да молись,
Хвали его, красѣ его дивись;

250. Взглянуть не смѣй украдкой на другого,
Съ Архангеломъ тихонько молвить
слово, —

Вотъ жребій той, которую Творецъ
Себѣ возьметъ въ подруги наконецъ.
И что жъ потомъ? за скуку, за мученье
Награда вся дьячковъ осиплыхъ пѣнье,
Свѣча, старухъ докучная мольба,
Да чадъ кадилъ, да образъ подъ алма-
зомъ,

Написанный какимъ-то богомазомъ. .

- Какъ весело! завидная судьба!
260. Мнѣ стало жаль моей прелестной Евы,
Рѣшился я, создателю на зло,
Разрушить сонъ и юноши и дѣвы.
Ты слышала какъ все произошло?
Два яблока, вися на вѣткѣ дивной,
Счастливый знакъ, любви символъ при-
зывной,
- Открыли ей неясную мечту...
Проснулись неясныя желанья,
Она свою познала красоту,
И нѣгу чувствъ, и сердца трепетанье,
270. И юнаго супруга наготу.
Я видѣлъ ихъ! Любви моей науки
Прекрасное начало видѣлъ я!
Въ глухой лѣсокъ ушла чета моя...
Тамъ быстро ихъ блуждали взгляды,
руки;
- Межъ милыхъ ногъ подруги молодой,
Застѣнчивый, неловкій и нѣмой.

Адамъ искалъ восторговъ упоенья.
Онъ вопрошалъ источникъ наслажденья
И, закипѣвъ душой, терялся въ немъ ..
280. И, не страшась божественнаго гнѣва,
Вся въ пламени, власы раскинувъ, Ева,
Едва, едва устами шевеля,
Лобзаніямъ Адама отвѣчала,
Въ слезахъ любви, въ безчувствіи лежала
Подъ тѣнью пальмъ, — и юная земля
Любовниковъ цвѣтами осыпала.
Блаженный день! Увѣнчанный супругъ
Жену ласкалъ съ утра до поздней ночи,
Во тѣмъ ночной смыкалъ онъ рѣдко очи,
290. И какъ зари украшенъ былъ досугъ, —
Ты знаешь. Богъ, утѣхи прерывая,
Чету мою лишилъ навѣки рая.
Онъ ихъ изгналъ изъ милой стороны,
Гдѣ безъ трудовъ они столь сладко
жили,
И дни свои невинно проводили

Въ объятіяхъ лѣнивой тишины.
Но имъ открылъ я тайну сладострастья
И младости веселья права,
Томленье чувствъ, восторги, слёзы
счастья

300. И поцѣлуй, и вѣжныя слова!..
Скажи теперь? ужели я предатель?
Ужель Адамъ несчастливъ отъ меня?
Не думаю! но знаю только я,
Что съ Евою остался я пріятель“.

Умолкнулъ бѣсъ. Марія въ тишинѣ,
Коварному внимала Сатанѣ.
„Что жъ, думала, быть можетъ правъ
лукавой,

Слыхала я, ни почестями, ни славой,
Ни золотомъ, блаженства не купить;
310. Слыхала я, что надобно любить!..
Любить! Но какъ? зачѣмъ? и что такое!..
А между тѣмъ вниманье молодое

Ловило все въ разсказахъ Сатаны:
И дѣйствія, и странныя причины,
И смѣлый слогъ, и вольныя картины;
Охотники мы всѣ до новизны.
Чась отъ часу неясное начало
Опасныхъ думъ казалось ей яснѣй,
И вдругъ змѣи какъ будто не бывало —
И новое явленье передъ ней;

320. Марія зритъ красавца молодого
У ногъ своихъ. Не говоря ни слова,
Къ ней устремивъ чудесный блескъ очей
Чего-то онъ краснорѣчиво просить,
Одной рукой цвѣточекъ ей подносить,
Другая мнетъ простое полотно
И крадется подъ ризы торопливо...
И легкой перстъ касается игриво
До милыхъ тайнъ. Все для Маріи диво,
330. Все кажется ей ново, мудрено...
А между тѣмъ румянецъ не стыдливый
На дѣвственныхъ ланитахъ заигралъ,

И томный жаръ и вздохъ нетерпѣливый
Младую грудь Маріи подымаль...
Она молчитъ, но вдругъ не стало мочи,
Закрылися блистательныя очи, —
Къ лукавому склонивъ на грудь главу,
Вскричала: ахъ!.. и пала на траву.

О милый другъ, кому я посвятилъ
340. Всѣ первыя надежды и желанья!
Красавица, которой я былъ милъ,
Простишь ли мнѣ мои воспоминанья?
Мои грѣхи, забавы юныхъ дней,
Тѣ вечера, когда въ семьѣ твоей,
При матери докучливой и строгой,
Тебя томилъ я тайною тревогой
И просвѣтилъ невинныя красы...
Я научилъ послушливую руку
Обманывать печальную разлуку
350. И услаждать безмолвные часы
Безсонницы дѣвическую скуку.

Но молодость утрачена твоя,
Отъ блѣдныхъ устъ улыбка отлетѣла,
Твоя краса во цвѣтѣхъ помертѣла...
Простишь ли мнѣ, о милая моя?

Отецъ грѣха, лукавый врагъ Маріи,
Ты есть и былъ предъ нею виноватъ
Ея тебѣ пріятенъ былъ развратъ,
И ты успѣлъ преступною забавой
360. супругу просвѣтить
И дерзостью невинность изумить,
Гордись, гордись своей проклятой сла-
вой!
Спѣши ловить... Но близокъ, близокъ
часъ!..
Вотъ меркнетъ свѣтъ, заката лучъ по-
гасъ.
Все тихо... Вдругъ надъ дѣвой уто-
мленной
Шутя паритъ Архангелъ окрыленный,

Посоль любви, блестящій сынъ небесъ
Отъ ужаса при видѣ Гавріила
Красавица лице себѣ закрыла.

370. Предъ нимъ возсталъ, смутился мрач-
ный бѣсъ

И говорить: „Счастливецъ горделивый,
Кто звалъ тебя? Зачѣмъ оставилъ ты
Небесный дворъ, ээира высоты?
Зачѣмъ мѣшать угѣхѣ молчаливой,
Занятіямъ чувствительной четы?“
Но Гавріиль, нахмурилъ взглядъ рев-
нивый,

Такъ на вопросъ и дерзкій и шуточный:
„Безумный врагъ небесной красоты,
Повѣса злой, изгнанникъ безнадежный,
380. Ты соблазнилъ красу Маріи нѣжной
И смѣешь мнѣ вопросы задавать?
Бѣги сей часъ, безстыдникъ, рабъ мя-
тежный,
Иль я тебя заставлю трепетать“.

- „Не трепеталъ отъ вашихъ я придвор-
ныхъ,
Всевышняго прислужниковъ покорныхъ,
Отъ сводниковъ небснаго царя“, —
Проклятый рекъ и злобою горя,
Наморщивъ лобъ, скосясь, кусая губы,
Архангела ударилъ прямо въ зубы!
390. Раздался крикъ, шатнулся Гавріиль
И лѣвое колѣно преклонилъ;
Но вдругъ возсталъ, исполненъ новымъ
жаромъ,
И сатану нечаяннымъ ударомъ
Хватилъ въ високъ. Бѣсъ ахнулъ, по-
блѣднѣлъ,
И ворвались въ объятія другъ другу.
Ни Гавріиль, ни бѣсъ не одолѣлъ:
Сплетенные, крутятся, идутъ по лугу,
На вражью грудь опершись бородой,
Соединивъ крестъ на крестъ ноги, руки
400. То силою, то хитростью науки

Хотятъ увлечь другъ друга за собой.

Не правда ли, вы помните то поле,
Друзья мои, гдѣ въ прежни дни, весной,
Оставя классъ, играли мы на волѣ
И тѣшились отважною борьбой?
Усталые забывъ и брань и рѣчи,
Такъ ангелы боролись межъ собой.
Подземный царь, буянъ широкоплечій,
Вотще кряхтѣлъ съ увертливымъ вра-
гомъ,

410. И, наконецъ, желая кончить разомъ,
Съ Архангела пернатый сбиль шеломъ,
Златый шеломъ, украшенный алмазомъ;
Схвативъ врага за мягкіе волосы
Онъ сзади гнетъ могучею рукою
Къ сырой землѣ. Марія предъ собою
Архангела зреть юныя красы
И за него въ безмолвіи трепещетъ!
Ужъ ломить бѣсъ, ужъ адъ въ восторгѣ
плещетъ;

По счастію проворный Гавріиль
420. Вцѣпился вдругъ въ то мѣсто роковое
(Излишнее почти во всякомъ боѣ),

.

Проклятый палъ! Пошады запросилъ
И въ темный адъ едва нашель дорогу.
На дивный бой, на страшную тревогу
Красавица смотрѣла чуть дыша;
Когда же къ ней, свой подвигъ со-
верша,

Привѣтливо Архангель обратился,
Огонь любви въ лицѣ ея разлился
430. И нѣжностью наполнилась душа.
О, какъ была Еврейка хороша!

Посолъ пылалъ и чувства чужія
Такъ изъяснилъ въ божественныхъ сло-
вахъ:

„О, радуйся невинная Марія!

Любовь съ тобой, прекрасна ты въ же-
нахъ,
Стократъ блаженъ твой плодъ благо-
словенный:
Спасетъ онъ мѣръ и ниспровергнетъ
адъ!..

Но признаюсь душою откровенной,

. ”

440. И передъ ней колѣнопреклоненный,
Онъ между тѣмъ ей нѣжно руку жаль...
Потупя взоръ прекрасная вздыхала...
И Гаврииль ее поцѣловаль.
Смутясь она краснѣла и молчала;
Ея груди дерзнулъ коснуться онъ...
„Оставь меня“, Марія прошептала,
И въ тотъ же мигъ лобзаньемъ за-
глушень
Невинности послѣдній крикъ и стонъ.
Что дѣлать ей? Что скажетъ Богъ рев-
нивый?

450. Не сѣтуйте красавицы мои,
О женщины наперсницы любви!
Умѣете вы хитростью счастливой
Обманывать вниманье жениха
И знатоковъ внимательные взоры,
И на слѣды пріятнаго грѣха
Невинности набрасывать уборы.
Отъ матери проказливая дочь
Береть урокъ стыдливости покорной
И мнимыхъ мукъ, и съ робостью при-
творной
460. Играетъ роль въ рѣшительную ночь;
И по утру, оправясь понемногу,
Встаетъ блѣдна, чуть ходитъ, такъ томна!
Въ восторгѣ мужъ, мать шепчетъ: Слава
Богу,
А старый другъ стучится у окна.

Ужъ Гавріиль съ извѣстіемъ пріятнымъ
По небесамъ летитъ путемъ обратнымъ.

Наперсника нетерпѣливый Богъ
Привѣтствіемъ встрѣчаетъ благодаг-
нымъ:

„Что новаго?“—Я сдѣлалъ все что могъ,
470. Я ей открылъ. „Ну что жъ она?“ —
Готова.

И царь небесъ не говоря ни слова,
Съ престола всталъ и маніемъ бровей
Всѣхъ удалилъ, какъ древній богъ Го-
мера,
Когда смирялъ безчинныхъ онъ дѣтей;
(Но Греціи навѣкъ угасла вѣра
Зевеса нѣтъ, мы сдѣлались умнѣй).

Упоена живымъ воспоминаньемъ,
Въ своемъ углу Марія въ тишинѣ
Покоилась на смятой простынѣ.
480. Душа горитъ и нѣгой и желаньемъ,
Младую грудь волнуетъ новый жаръ!
Она зоветъ тихонько Гавріила,

Его любви готова новый даръ,
Ночной покровъ ногою отдалила,
Довольный взоръ съ улыбкою склонила,
И счастлива въ прелестной наготѣ,
Сама своей дивилась красотѣ.

Но между тѣмъ въ задумчивости нѣжной
Она грѣшитъ, прелестна и томна.

490. И чашу пьеть отрады безмятежной:
Смѣешься ты, лукавый сатана!

И что же? вдругъ мохнатый, бѣло-
крылый

Въ ея окно влетаетъ голубъ милый
Надъ ней кругомъ порхаетъ и кружить
И пробуетъ веселые напѣвы...

И вдругъ летитъ въ колѣни милой дѣвы,
Подъ ризою садится и дрожить,
Клюетъ ее, копышится, вертится,
И ножками и носикомъ трудится.

500. Онъ, точно онъ, — Марія поняла,

Что въ голубѣ другого угощала;
Колѣни сжавъ Еврейка закричала,
Вздохать, дрожать, молиться начала,
Заплакала, но голубъ торжествуетъ!
Въ жару любви трепещеть и воркуеть
И падаетъ объятый легкимъ сномъ
Пріосѣня цвѣтокъ любви крыломъ!..

Онъ улетѣлъ, усталая Марія
Подумала: „Вотъ шалости какія!
510. Одинъ, два, три—какъ это имъ не лѣнь?
Могу сказать перенесла тревогу!
Досталась я въ одинъ и тотъ же день

• • • • •
• • • • •
• • • • •

Но Гавріиль, завидная судьбина,
Не преставалъ являться ей тайкомъ.
Какъ многіе, Іосифъ былъ утѣшенъ:
Онъ предъ женой по прежнему без-
грѣшенъ,

520.

За то Господь и наградиль его.

Аминь, аминь! Чѣмъ кончу я рассказы
На вѣкъ забывъ старинныя проказы,
Я пѣль тебя, крылатый Гавріиль,
Смиренныхъ струнъ тебѣ я посвятиль
Усердное спасительное пѣнье:

Храни меня, вземли мое моленье!
Досель я былъ еретикомъ въ любви,
Младыхъ . . . безумный обожатель,

530. Другъ демона, повѣса и предатель;

Раскаянье мое благослови!
Пріемлю я намѣренья благія,
Перемѣнюсь: Елену видѣлъ я.
Она мила, какъ нѣжная Марія!
Подвластна ей навѣкъ душа моя.
Моимъ рѣчамъ придай очарованье,
Понравится повѣдай тайну мнѣ,
Въ ея душѣ зажги любви желанье

Не то пойду молиться сатанѣ.
540. Но дни текутъ, а время сѣдиною
Мою главу тишкомъ посеребрить,
И важный бракъ съ любезною женою
Предъ алтаремъ меня соединить.
И я тогда, Юсифъ утѣшитель,
Молю тебя, колѣно преклоня,
О, рогачей заступникъ и хранитель,
Молю, тогда благослови меня.
Даруй ты мнѣ безпечность и смиренье,
Даруй ты мнѣ терпѣнье вновь и вновь,
550. Спокойный сонъ, въ супругѣ увѣренье,
551. Въ семействѣ миръ и къ ближнему
любовь.

ПРИМЪЧАНІЯ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

Перечень сокращеній.

Ак. — Сочиненія Пушкина. Изданіе Академіи Наукъ. (Если томъ не означень, разумѣтся т. III. Спб. 1912).

вар. — вариантъ.

Венг. — Библіотека великихъ писателей, подъ редакціей С. А. Венгерова. Пушкинъ. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. (Если томъ не означень, разумѣтся т. II. Спб. 1908).

изд. — изданіе.

Ефр. — Сочиненія А. С. Пушкина. Редакція П. А. Ефремова. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1903—5.

л. — листъ: л. об. — листъ, оборотная сторона

Мор. — Сочиненія и письма А. С. Пушкина, подъ редакціей П. О. Морозова. К-ое Т-во

- „Просвѣщеніе“. Спб. 1903 и сл.
Ог. — Русская Потаенная Литература XIX столѣтія. Съ предисловіемъ Н. Огарева. Лондонъ 1861.
О. А. — Остафьевскій Архивъ.
Пер. — Сочиненія Пушкина. Изд. Академіи Наукъ. Переписка, подъ редакціей В. И. Саитова. Спб. 1906 и сл.
П. — А. С. Пушкинъ.
рук. — рукопись.
Рум. м. — Московскій Публичный и Румянцевскій музей.
ст. — стихъ.
() — слово, зачеркнутое въ рукописи.
(?) — слово, прочитанное предположительно.

Нашъ текстъ.

Въ основаніе нашего текста положено изд. Н. Огарева: Тѣ части, которыя включены въ О. А., Ак., Венг., Ефр., Мор., свѣрены съ этими изд. Однако, ни одно изъ этихъ изд. мы не могли признать безусловно авторитетнымъ, по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) текстъ О. А., несомнѣнно, происходитъ отъ автографа П., но

авторъ, по отсылкѣ поэмы кн. Вяземскому, могъ сдѣлать въ ней новыя поправки; 2) текстъ Ак. основанъ на „старинной копіи, принадлежавшей В. Е. Якушкину“, но авторитетность этой копіи ничѣмъ не удостовѣрена; 3) происхождение текстовъ Венг., Мор., Ефр. неизвѣстно. Кромѣ указанныхъ изд., нами приняты во вниманіе: изд. 1839 г. и 1904 г. и рук. собранія А. О. (см. ниже). Въ примѣчаніяхъ къ отдѣльнымъ стихамъ нами оговорены всѣ случаи, когда нашъ текстъ отстаетъ отъ текста Ог. и Ак.

Рукописи поэмъ:

Полные списки поэмъ извѣстны слѣдующіе:

1) Въ „Новомъ Времени“, 1903 г., № 9874 и 9877, указано, что „полный списокъ поэмы имѣется въ собственной его величества библиотекѣ“.

2) На экземплярѣ „Стихотвореній А. С. Пушкина“, изд. 1870 г., Берлинъ, есть надпись рукою кн. П. А. Вяземскаго: „У меня долженъ быть въ старыхъ бумагахъ полный собственноручный Пушкина списокъ Гавриліады, имъ мнѣ присланный. Должно сжечь его, что и завѣщаю сдѣлать сыну моему“.

3) Текстъ Ак. напечатанъ „по старинной копіи, принадлежавшей В. Е. Якушкину“.

4) Въ нашихъ рукахъ былъ полный списокъ поэмы, изъ собранія А. О., сдѣланный почеркомъ 50-хъ или 60-хъ годовъ, съ нѣкоторыми отступленіями отъ обычнаго текста, но, можетъ быть, списанный съ изд. Ог., съ произвольными домыслами переписчика.

Издація поэмы.

Въ нашемъ распоряженіи было три полныхъ изд. поэмы:

1) Русская Потаенная Литература XIX столѣтія. Отдѣлъ первый. Стихотворенія. Часть первая, съ предисловіемъ Н. Огарева. Лондонъ. Trübner and Co., Paternoster row, 1861. („Гавриліада“—въ отдѣлѣ „Стихотворенія эротическія“, стр. 40—49).

2) Pouchkine.—Gabriliada.—Гавриліада. Сочиненіе А. С. Пушкина. Эротическая поэма. En vente chez tous les principaux libraires. 1889. (Этотъ годъ—на титульномъ листѣ; на обложкѣ, видно, перепечатанной, годъ: 1898).

3) А. С. Пушкинъ. Гавриліада. Поэма въ

одной пѣснѣ. Изданіе Гуго Штейница. Берлинъ 1904. (Собраніе лучшихъ русскихъ произведеній. Часть 92).

Отрывки, въ Россіи, печатались:

„Время“, 1861 г., № 7. „Неизданное стихотвореніе Пушкина“ (сообщено Н. В. Гербелемъ). Стихи 101—120.

„Библиографическія Записки“, 1861 года (сообщено П. А. Ефремовымъ).

„Русскій Архивъ“, 1881 г., III, 476.

„Остафьевскій Архивъ“, въ письмѣ кн. П. А. Вяземскаго, 10 декабря 1822 г.

Кромѣ того, отрывки печатались во всѣхъ изд. сочиненій Пушкина, начиная съ изд. 1880 г. (П. А. Ефремова), подъ заглавіемъ: „Эпическіе отрывки“, „Отрывки изъ поэмъ“ и т. под.

Современныя свидѣтельства.

Въ письмѣ, 10 декабря 1822 г., кн. П. А. Вяземскій писалъ А. И. Тургеневу (О. А.): „Пушкинъ прислалъ мнѣ одну свою прекрасную шалость“. (Слѣдуетъ выписка 19 стиховъ поэмы).

Въ письмѣ, 13 іюня 1823 г., къ А. А. Бестужеву, Пушкинъ писалъ по поводу поэмы Май-

кова „Елисей“: „Тебѣ, кажется, болѣе нравится благовѣщеніе, но однако жъ Елисей смѣшнѣе, слѣдовательно полезнѣе для здоровья“. Въ черновомъ наброскѣ письма, это мѣсто читается: „Тебѣ, кажется, больше нравится благовѣщеніе и мнѣ также, но Елисей смѣшнѣе“ и т. д. (Пер. I). Предполагаютъ, что „благовѣщеніе“ („Благовѣщеніе“) — первоначальное названіе поэмы, которую обычно называютъ „Гавриліада“.

Въ іюнѣ 1828 г. возникло „дѣло о Гавриліадѣ“, подробности котораго см. во вступительномъ очеркѣ къ этому изд.

Въ августѣ 1828 г., Пушкинъ показалъ, „что сія поэма писана не имъ, что онъ въ первый разъ видѣлъ ее въ Лицеѣ въ 1815 или 1816 г., и переписалъ ее, но не помнитъ, куда дѣвалъ сей списокъ“.

19 августа 1828 г., Пушкинъ показалъ: „Рукопись ходила между офицерами Гусарскаго полка, но отъ кого изъ нихъ именно я досталъ оную, я никакъ не упомню. Мой же списокъ сжегъ я, вѣроятно, въ 20-мъ году“.

1 сентября 1828 г., Пушкинъ писалъ кн. П. А. Вяземскому: „До Правительства дошла, на-

конецъ, Гавриліада; приписываютъ ее мнѣ; донесли на меня, и я, вѣроятно, отвѣчу за чужія проказы, если кн. Дм. Горчаковъ не явится съ того свѣта отстаивать права на свою собственность“.

25 сентября 1828 г., кн. П. А. Вяземскій отвѣчалъ Пушкину: „Сердечно жалѣю о твоихъ хлопотахъ по поводу Гавриіла; но надѣюсь, что послѣдствій худыхъ не будетъ и что Фонъ-Фокъ скажетъ Музѣ твоей: „Стихородица, дѣво радуйся, благословенна ты въ женахъ и прочее“.

7 октября 1828 г., Пушкинъ написалъ письмо, по поводу Гавриліады, „прямо государю императору“, и оно было передано не распечатаннымъ Николаю I. Содержаніе письма, пока, неизвѣстно.

Въ программѣ Записокъ А. Н. Голицына, подъ 30 декабря 1837 г., записано: „Гавриліада Пушкина. Отпирательство Пушкина. Признаніе“.

Документы по дѣлу о „Гавриліадѣ“ напечатаны въ сборникахъ „Старина и Новизна“, книга V и книга XIII. Перечень матеріаловъ см. также въ Ак., III, примѣч., стр. 256—257. Изложеніе дѣла у Ефр. VII, 301—2, и во всѣхъ новыхъ изд. сочиненій Пушкина.

Заглавіе, посвященіе, планъ.

Въ письмѣ 13 іюня 1823 г., Пушкинъ говоритъ о „благовѣщеніи“; въ письмѣ 1 сентября 1828 г., — о „Гавриладѣ“; кн. П. А. Вяземскій, въ письмѣ 25 сентября 1828 года, говоритъ о „Гавриилѣ“. Въ изд. Ог. заглавіе: „Гаврилада. Поэма въ одной пѣснѣ“; то же въ изд. 1889 г. и 1904 г. Въ Ак. поэма (отрывки) озаглавлены по первому стиху: „Во истину Еврейки молодой“...

Въ рук. Рум. м. 2365 л. 39, находится черновой набросокъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ четверостишій, въ которыхъ видятъ (Ефр., Ак. и др.) посвященіе „Гаврилады“. Предположительно эти стихи можно возстановить такъ (точное чтеніе рук. въ Ак., III, 45 и примѣч. 71):

Вотъ Муза, рѣзвая болтунья,
Которую ты столь любилъ.
Она раскаялась, шалунья,
Придворный тонъ ее плѣнилъ.
или: (Престижъ двора ее плѣнилъ).
.....
Прими въ залогъ воспоминанья
Мои завѣтные стихи..,

.
И подъ завѣтною печатью,
или: (И, подъ печатью потаенной)
Прими опасные стихи..

.
Вотъ Муза, добрая душой.
Не испугайся, милый мой,
или: (Не удивляйся, милый другъ)
Ея израильскому платью.
Прости ей прежніе грѣхи..

.
Ее Всевышній осѣнилъ
Своей небесной благодатью.
Она духовному занятю
Преступной жертвуетъ игрой.

Указываютъ также на отрывки, изъ той же рук., „Примите новую тетрадь“ (Ак., III, прим. 251; Венг., II, 58) и „О вы, которые любили“ (Ак., прим. 251; Венг., II, 58), но ихъ отношеніе къ „Гавриліадѣ“ ничѣмъ не установлено.

Въ рук. Рум. м. 2365 л. 28, читается слѣдующая программа, которую признають (Ефр., Венг., Ак. и др.) за программу „Гавриліады“:

Святой Духъ, призвавъ Гавріила, открываетъ

ему свою любовь и производитъ въ сводники.

(Гаврииль влюбленъ).

Сатана и Марія.

Воспроизведеніе этой рук. въ Ак. III, и у
Венг., II.

Время написанія.

Въ декабрѣ 1822 г., кн. П. А. Вяземскій писалъ, что получилъ отъ Пушкина „прекрасную шалость“—„Гавриліаду“. Среди черновыхъ стиховъ посланія къ Чаадаеву, помѣченныхъ 6 апрѣля 1821 г., записанъ планъ „Гавриліады“ (см. выше). Слѣдовательно, „Гавриліада“ была, вѣроятно, написана между весной 1821 и зимой 1822 г., скорѣе — ближе къ осени 1822 г., такъ какъ, вѣроятно, была послана кн. Вяземскому тотчасъ по окончаніи. Такой датировкѣ соотвѣтствуютъ и факты біографіи Пушкина (см. вступительный очеркъ).

Примѣчанія къ отдѣльнымъ стихамъ (критическія).

Указаны отличія нашего текста отъ текста Ог. и Ак. Мелкія отличія въ правописаніи и

пунктуаціи не отмѣчены, болѣе важныя — указаны (въ общемъ, за малыми исключеніями, нами принято современное провописаніе и современная разстановка знаковъ препинанія). Счетъ стиховъ—по нашему изд. Красныя строки поставлены нами.

Заглавіе. Мы сохранили заглавіе изд. Ог., такъ какъ нѣтъ причинъ заподозривать подлинность этого заглавія, и такъ какъ Пушкинъ самъ употреблялъ названіе „Гаврилиада“.

Ст. 11. Чтеніе Ог. Въ Ак.:

И со детъ на сердце дѣвы.
за отсутствіемъ авторитетной рук., которая разрѣшила бы всѣ сомнѣнія, мы слѣдуемъ правилу филологической критики, требующей предпочитать чтеніе болѣе трудное. Выраженіе „осѣнить“, съ неправильнымъ удареніемъ, могло вызвать у переписчиковъ желаніе сдѣлать поправку „сойдетъ на“: по существу же выраженіе „на“ здѣсь не совсѣмъ умѣстно.

Ст. 13. Чтеніе Ог. Въ О. А. и Ак.:

Шестнадцать лѣтъ невинное смиренье.
Возможно, что это—вар. Пушкина, но въ слѣд-
стихахъ перечисляются признаки внѣшніе

(бровь, груди, нога, зубы), такъ что указаніе на свойство нравственное („смиренье“) въ этомъ ряду менѣе умѣстно.

Ст. 34. Чтеніе Ог. Въ Ак.:

Назначена была иная честь.

Сочетаніе гласныхъ „была иная“ менѣе въ духѣ Пушкина, нежели „была другая“.

Ст. 35. Чтеніе Ак. Въ Ог.:

На стебелькѣ не смѣлъ еще расцвѣсть.

См. соображенія въ примѣч. къ ст. 11.

Ст. 39. Пунктуация по Ак. Въ Ог.:

Ее кормилъ и — больше ничего...!!!

Грубое подчеркиваніе смысла знаками препинанія не въ духѣ Пушкина.

Ст. 48. На концѣ стиха нами поставлена точка. Въ Ак. и Ог. — запятая.

Ст. 51. Тоже, какъ въ Ог. Въ Ак. — запятая.

Ст. 54. Чтеніе Ог. Въ Ак.:

Тьмы Ангеловъ волнуются, кишать.

Столкновеніе двухъ *в* (въ концѣ слова и въ началѣ слѣдующаго)—не Пушкинское.

Ст. 106. Чтеніе Ак. Въ Ог.—нѣтъ запятой.

Ст. 120. Чтеніе Ак. Въ Ог. явная ошибка:

Съ наперсникомъ любимымъ поболтать.

Ст. 121. Чтеніе рук. изъ собранія А. О. Въ Ог. Венг. и др. изд :

И ты, Господь, позналъ ея волненье.
Къ чему относится слово „ея“—не ясно (любви?); возможно, однако, что чтеніе „сіе“ — домысль переписчика.

Ст. 126, 129 и др. Кавычки поставлены нами.

Ст. 130. Двоеточіе поставлено нами. Въ Ог.— многоточіе и воскл. знакъ.

Ст. 131. Въ рук. изъ собранія А. О. вмѣсто „пестрый“ стоитъ „пышный“; возможно, что это — простая описка.

Ст. 135. Чтеніе Венг. Въ Ог. въ два слова „не много“.

Ст. 152. На концѣ стиха нами поставлена точка съ запятой. Въ Ог. — запятая.

Ст. 158. Въ Ог. въ одно слово: „Чтожь“.

Ст. 162. Чтеніе Ак. Въ Ог., повидимому описка.

И скоро ждетъ плѣнительнаго сна.

Ст. 172. Здѣсь, какъ и въ др. мѣстахъ, мы, послѣ двоеточія, начинаемъ чужую рѣчь съ прописной буквы. Въ Ог. и въ Ак. — съ малой (строчной).

Ст. 177. Чтеніе Ак. Въ Ог. явная ошибка:
Краса змѣи, цвѣтовъ разнообразныхъ.

Ст. 188, 189. Пунктуация по Ак. Въ Ог. оба
стиха заканчиваются воскл. знакомъ и много-
точіемъ.

Ст. 190. Чтеніе Ак. Въ Ог.:

Мы въ безднѣ бѣдъ невинно потонули.
См. соображенія въ примѣч. къ ст. 11. Въ изд.
Венг.: „невинно“.

Ст. 214. Кавычки поставлены нами.

Ст. 235. Въ изд. Ог. указанъ, подъ строкой,
вар.:

Въ спокойствіи вели невинный вѣкъ.
Н. Огаревъ долженъ былъ имѣть причины для
выбора одного изъ двухъ извѣстныхъ ему ва-
риантовъ. Въ изд. Венг.: „невинный вѣкъ“.

Ст. 243. Въ изд. Ог. указанъ, подъ строкой,
вар.:

Еврейскій Богъ, угрюмый и ревнивый.
См. примѣч. къ ст. 235. Въ изд. Венг.: „ре-
внивыи“.

Ст. 255. На концѣ стиха нами поставлена за-
пятая. Въ Ог. — воскл. знакъ.

Ст. 286. Въ изд. Ог. указанъ, подъ строкой,
вар.:

Любовниковъ цвѣтами покрывала.
См. примѣч. къ ст. 235. Въ изд. Венг.: „покрывала“.

Ст. 297. На концѣ стиха нами поставлена запятая. Въ Ог. — воскл. знакъ и многоточіе.

Ст. 290, 291. Наше чтеніе — какъ въ изд. Ог., но, кажется, испорченное. Можетъ быть:

И до зари украшенъ былъ досугъ. —

Ты знаешь, Богъ, утѣхи прерывая.

Въ изд. Венг. чтеніе, основаніе котораго неизвѣстно:

Какъ и хъ тогда украшенъ былъ досугъ

Ты знаешь, (Богъ), утѣхи прерывая...

Ошибка, при перепискѣ, могла возникнуть изъ того, что прописная буква въ словѣ „Богъ“ вызвала передъ этимъ словомъ точку, а это повлекло къ согласованію словъ „ты знаешь“ съ предыдущимъ предложеніемъ. Вопросъ можетъ быть разрѣшенъ лишь авторитетной рукописью.

Ст. 292. Ог. въ два слова: „на вѣки“.

Ст. 311. Пунктуация и правописаніе наши.
Въ Ог.:

Любить! но какъ? за чѣмъ? и что такое?...

Въ Ак.—тоже, только „Но“ съ прописной буквы,
Ст. 351. Чтеніе Ог. Въ Ак. на концѣ стиха
запятая.

Ст. 354. Чтеніе Ак. Въ Ог. на концѣ стиха
запятая.

Ст. 357. Въ изд. Ог. указанъ подѣ строкой
вар.:

Ты сталъ и былъ предѣ нею виновать.
См. примѣч. къ ст. 235. Въ изд. Венг.: „есть“.

Ст. 358. Чтеніе Венг. Въ Ог. 6-стопный стихъ:
Ахъ, и ея тебѣ пріятенъ былъ развратъ.

Ст. 363. Чтеніе Венг. Въ Ог. послѣ „ловить“—
запятая.

Ст. 377, 378. Чтеніе Венг. Въ Ог. явно испор-
ченное чтеніе (6-стопный стихъ).

На сей вопросъ и дерзкій и шутливый
Сказалъ: Безумный врагъ небесной красоты,

Ст. 384. Въ изд. Ог. указанъ, подѣ строкой,
вар.:

Не трепеталъ отъ важныхъ я придворныхъ,
См. примѣч. къ ст. 235. Въ изд. Венг. „вашихъ“.

Ст. 395, 396. Пунктуація наша. Въ Ог. на концѣ
того и другого стиха запятая.

Ст. 412. Чтеніе Ог. Въ Венг.:

З л а т о й ш е л о м ъ , у к р а ш е н н ы й а л м а з о м ъ .

Ст. 421. Чтеніе Венг., данное въ Ог., какъ вар. подъ строкой; въ текстѣ Ог.:

И з л и ш н е е п о ч т и в о в с я к о м ъ б о г ѣ .

Риѣма „роковое“ — „богѣ“ у Пушкина немыслима.

Ст. 455. Чтеніе Ак., Венг. Въ Ог.:

И н а с л ѣ д ы п р о ш е д ш а г о г р ѣ х а .

См. соображенія въ примѣч. къ ст. 11.

Ст. 461. Чтеніе Венг. Въ Ог. и Ак. въ два слова: „по немногу“.

Ст. 473. Чтеніе Ог. Въ Венг.:

В с ѣ х ъ у д а л и л ъ , к а к ъ д р е в л е б о г ѣ Г о м е р а ,

См. соображенія въ примѣч. къ ст. 11.

Ст. 475, 476. Скобки поставлены нами.

Ст. 489. Пунктуация Венг. Въ Ог.

О н а г р ѣ ш и т ь ! П р е л е с т н а и т о м н а ,

Ст. 494. Чтеніе рук. изъ собранія А. О. Въ Ог. явно испорченное чтеніе (4-стопный стихъ).

Н а н е й п о р х а е т ь и к р у ж и т ь .

Ст. 526. Чтеніе Ог. Въ Ак. и Венг.:

У с е р д н о е , в н и м а т е л ь н о е п ѣ н ь е .

Такъ какъ авторитетность рукописи, съ которой печаталась Ак., ничѣмъ не утверждена, позволительно дѣлать выборъ между двумя равносильными вариантами по соображеніямъ эстетическимъ. „Спасительное“ намъ представляется болѣе умѣстнымъ здѣсь, нежели „внимательное“, но, разумѣется, этотъ выборъ, какъ былъ бы и противоположный, совершенно произволенъ.

Ст. 527. Чтеніе Ог. и Венг. Въ Ак. этого стиха нѣтъ, но это, повидимому, простая о ш и б к а изданія, такъ какъ стихъ необходимъ для риѣмы и по смыслу.

Ст. 529. Чтеніе Ог. Въ Венг.:

Младыхъ богинь безумный обожатель.
По складу всей поэмы, болѣе вѣроятнымъ представляется чтеніе Ог.

Ст. 535. Чтеніе Ак. Въ Ог.: „на вѣкъ“.

Всего въ поэмѣ, по нашему счету, 551 стихъ; по счету Ак., за пропускомъ стиха 527,--550.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЯ.

	Стр.
Отъ издательства	5
Предисловіе къ первому изданію	7
Вступительный очеркъ Валерія Брю- сова	19

ГАВРИЛІАДА.

Гавриліада. Поэма въ одной пѣснѣ. . . .	53
---	----

ПРИМѢЧАНІЯ.

Объясненіе сокращеній	89
Текстъ.	90
Рукописи	91
Изданія	92
Современныя свидѣтельства	93
Заглавіе, посвященіе, планъ	96
Время написанія.	98
Примѣчанія къ отдѣльнымъ стихамъ. . .	98

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „АЛЬЦИОНА“.

- АЛЬЦИОНА. Альманахъ. Книга I. Обложка, работы И. Мозалевскаго. Изданіе второе. Москва, 1914 г. (Разошлось).
- ЮЛІАНЪ АНИСИМОВЪ. Обитель. Стихи. Москва, 1913 г. Ц. 1 р. (Разошлось).
- ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ. Наука о стихѣ. Курсъ лекцій, читанныхъ въ Студіи стиховѣденія въ 1918 г. Часть I. Метрика и ритмика. (Печатается).
- ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ. Miscellanea. Статьи, замѣчанія, мысли о искусствѣ, о литературѣ, о книгахъ, о критикахъ, о самомъ себѣ. (Печатается).
- ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ. Кризисъ Римской имперіи III в. по Р. Х. и современность. Историческая параллель. (Печатается).
- АНДРЕЙ БѢЛЫЙ. Лугъ зеленый. Книга статей. Москва, 1910 г. (Разошлось).
- З. Н. ГИППІУСЪ. Лунные муравьи. Книга разсказовъ. Москва, 1912 г. (Разошлось).

- ГЕОРГІЙ ИВАНОВЪ. Верескъ. Стихи. Петроградъ, 1916 г. Ц. 1 р. 25 к. (Послѣдніе экземпляры).
- СЕРГѢЙ КЛЫЧКОВЪ. Пѣсни. Печаль-Радость, Лада, Бова. Москва, 1910 г. Ц. 75 к. (Послѣдніе экземпляры).
- СЕРГѢЙ КЛЫЧКОВЪ. Потайный Садъ. Стихи. Москва, 1913 г. Ц. 1 р. (Послѣдніе экземпляры).
- М. КУЗМИНЪ. Венеціанскіе безумцы. Комедія. Иллюстраціи С. Судейкина. Нумерованное изданіе. Москва, 1915 г. Ц. 15 р. (Послѣдніе экземпляры).
- КОНСТАНТИНЪ ЛИПСКЕРОВЪ. Песокъ и Розы. Стихи. Москва, 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.
- М. ЛОЗИНСКІЙ. Горный ключъ. Стихи. Петроградъ, 1916 г. Ц. 1 р. 25 к. (Послѣдніе экземпляры).
- Н. ЛЬВОВА. Старая сказка. Стихи. Предисловіе Валерія Брюсова. Москва, 1913 г. (Разошлось).
- Н. ЛЬВОВА. Старая сказка. Стихи. Изданіе второе, дополненное посмертными стихотвореніями. Москва, 1914 г. Ц. 1 р. 25 к. (Послѣдніе экземпляры).
- ВИКТОРЪ МОЗАЛЕВСКІЙ. Фантастическіе рассказы. Обложка и украшенія работы И. Мозалева. Москва, 1913 г. (Разошлось).
- А. С. ПУШКИНЪ. Гаврилада. Поэма. Полный текстъ. Вступительная статья и критическія примѣчанія Валерія Брюсова. Москва 1918 г. (Разошлось).
- ГЕОРГІЙ РЫБИНЦЕВЪ. Осенняя просинь. Стихи. Обложка работы Н. Крымова. Москва, 1914 г. Ц. 1 р.
- БОРИСЪ САДОВСКОЙ. Самоваръ. Стихи. Москва, 1914 г. Ц. 75 к.
- БОРИСЪ САДОВСКОЙ. Узоръ чугунный. Рассказы. Обложка работы А. Арапова. Москва, 1910 г. (Разошлось).
- ЮРІЙ СИДОРОВЪ. Стихотворенія. Посмертное изданіе. Вступительныя статьи Андрея Бѣлаго,

Б. Садовского, С. Соловьева. Рисунокъ
О. П. Михайловой. Украшенія А. А. Арапова.
Москва, 1910 г. Ц. 1 р.

ЛЮБОВЬ СТОЛИЦА. Лада. Пѣсенникъ. Обложка ра-
боты А. Арапова и С. Коненкова. Москва, 1912 г.
Ц. 1 р. 25 к.

ВЛАДИСЛАВЪ ХОДАСЕВИЧЪ. Счастливый до-
микъ. Стихи. Обложка работы И. Мозалевскаго.
Москва, 1914 г. Ц. 1 р.

Т. ЧУРИЛИНЪ. Весна послѣ смерти. Стихи. Авто-
литографія Н. Гончаровой. Нумерованное изданіе.
Москва, 1915 г. Ц. 3 р. (Послѣдніе экземпляры).

М. ШАГИНЯНЪ. О блаженствѣ и мущаго. (Поэзія
З. Н. Гиппіусъ). Москва, 1912 г. Ц. 40 к. (Послѣд-
ніе экземпляры).

М. ШАГИНЯНЪ. Двѣ морали. Москва, 1914 г. Ц. 40 к.
(Послѣдніе экземпляры).

М. ШАГИНЯНЪ. Orientalia. Изданіе третье, испра-
вленное и дополненное. Москва, 1915 г. Ц. 1 р.
(Послѣдніе экземпляры).

ВЛАДИМИРЪ ЭЛЬСНЕРЪ. Пурпуръ Киѳеры. Эро-
тика. Иллюстраціи Н. Миліоти, М. Сарьяна, Г. Яку-
лова. Москва, 1913 г. Ц. 1 р. 50 к. (Послѣдніе
экземпляры).

ВЛАДИМИРЪ ЭЛЬСНЕРЪ. Выборъ Париса. Стихи.
Обложка работы Г. Якулова. Москва, 1913 г. Ц. 1 р.
(Послѣдніе экземпляры).

- БАРБЭ Д'ОРЕВИЛЬИ, Дэндизмъ и Джорджъ Бремелъ. Вступительная статья М. Кузмина. Переводъ М. А. Петровскаго. Съ тремя портретами. Москва, 1912 г. (Разошлось).
- ПОЛЬ ВЕРЛЭНЪ. Записки вдовца. Вступительная статья Валерія Брюсова. Переводъ С. Рубановича. Портретъ Верлена работы Н. Гончаровой. Рисунки — Валлотона, П. Верлена, Казальса, Коля и др. Москва, 1910 г. (Разошлось).
- Э. Т. А. ГОФМАНЪ. Золотой горшокъ. Переводъ и предисловіе Владиміра Соловьева. Съ автопортретомъ. Москва, 1913 г. (Разошлось).
- ЖЮЛЬ ЛАФОРГЪ. Феерическій соборъ. Переводы Валерія Брюсова, Н. Львовой и Вадима Шершеневича, со вступительной статьей и библиографическимъ указателемъ. Обложка работы Л. Закъ. Москва, 1914 г. Ц. 2 р. (Послѣдніе экземпляры).
- РАЗНОЦВѢТНЫЕ КАМЕНЬЯ. Книга маленькихъ разсказовъ, собранныхъ и переведенныхъ подъ редакціей Валерія Брюсова. Книга I, Стендаль. — Вилье де Лиль Аданъ. — Жанъ Мореасъ. — Анри де Ренье. — Анри Бордо. — Теодоръ Ласкарисъ. — Габріель Мартэнъ. — Эдуардъ д'Огъ. Москва, 1914 г. Ц. 1 р. 50 к. (Послѣдніе экземпляры).
- АНРИ де РЕНЬЕ Маркизъ. Д'Амеркёръ. Переводъ Максимилиана Волошина. Москва, 1914 г., Ц. 1 р. (Послѣдніе экземпляры).
- РОДЭНЪ. Гимнъ Венерѣ. Переводъ подъ редакціей съ послѣсловіемъ и примѣчаниями профессора В. К. Мальмберга. (Печатается).
-

Пушкинский
кабинет.

23 ¹/₆₆

Цѣна 8 р.